

В последующие дни Чоу Хуайшэн совмещал заботу о здоровье Ань Цзыяня с изучением задач, порученных Истинным владыкой Сюаньцином. В редкие часы отдыха он рассказывал юноше об искусстве фэншуй и тонкостях построения магических массивов.

Ань Цзыянь почти безвыездно проводил дни в Павильоне Хранящем Облака. Лишь изредка Чоу Хуайшэн уводил его в заповедную бамбуковую рощу к горячим источникам, уверяя, что целебная вода ускорит выздоровление.

Спустя семь дней Чоу Хуайшэн успешно завершил поручение. Поначалу он терзался сомнениями, но теплый, одобрительный взгляд Истинного владыки Сюаньцина разом развеял все тревоги. Старик редко кого-то хвалил, и эта милость предсказуемо разбередила чужую зависть. Другие послушники тайно злились, считая, что справились бы ничуть не хуже. Они заблуждались. Чтобы вернуть старинному массиву прежнюю силу, Хуайшэн все эти дни трудился от рассвета до темна, безотрывно следил за небесными знаменами и выискивал единственный верный миг для его перестройки.

— Хуайшэн, отныне посвяти себя заботе о наследнике. Можешь не приходить на утренние и вечерние службы. Главное — следи, чтобы болезнь не вернулась, иначе даже сошедший с небес великий лекарь Хуа То не сможет его спасти. Но и о собственном пути не забывай. Всё, чему я мог тебя обучить, ты уже перенял, дальше иди сам. Если столкнешься с трудностями — приходи, я подскажу, — напутствовал его Истинный владыка Сюаньцин.

Чоу Хуайшэн удивился, но быстро уловил истинный смысл слов наставника. Даосу положено совершать утренние и вечерние бдения, однако для Хуайшэна совместная практика давно стала тесна — здешнюю науку он освоил от и до. Наставник фактически переводил его на самостоятельное обучение, меняя и суть, и место его духовных трудов. Иными словами, Сюаньцин благословлял его на собственный путь познания, обещая при этом поддержку и ответы на любые сложные вопросы.

Для Чоу Хуайшэна такое решение стало благом. Теперь он вольно распоряжался своим временем, а значит, мог без помех ухаживать за Ань Цзыянем. Зато среди остальных даосов поднялся глухой ропот. Те, кто пришел в монастырь раньше Хуайшэна, уязвленные подобным предпочтением, затаили еще большую обиду.

— Ученик внимлет воле наставника. С Вашего дозволения, я удалюсь, — поклонившись старейшинам и братьям, Хуайшэн покинул главный зал.

Вернувшись в Павильон Хранящий Облака, Хуайшэн застал Ань Цзыяня уже на ногах. Тот впервые поднялся в такую рань — обычно юноша не просыпался, пока солнце окончательно не заливало комнату светом.

— Брат Хуайшэн, ты сегодня рано, — Ань Цзыянь щелкал садовыми ножницами, бережно подрезая разросшиеся ветви декоративных кустов во дворе. В родном поместье принца-регента он часто скрашивал этим часы досуга. — А как же утренняя служба?

— Учитель освободил меня от общих бдений. Сказал, что отныне я могу постигать учение прямо здесь, в павильоне, — отозвался Хуайшэн. — А ты почему не спишь? На дворе еще серость.

Небо едва посветлело, солнце спало за грядой утесов. Вершину горы окутывала влажная дымка. Клубы тумана лениво плыли между юношами, стирая очертания двора и создавая иллюзию, будто они стоят на самом краю поднебесья.

— Сам не знаю, почему проснулся. Но раз уж сон прошел, лежать без толку скучно. Поглядел в окно — а кусты совсем одичали, ветки во все стороны торчат. Вот и решил немного их причесать, — Цзыянь шутливо, по-детски помахал ножницами перед лицом названного брата.

— В Павильоне Хранящем Облака давно никто не живет, сад заброшен, так что твоя помощь как нельзя кстати. Пойду соберу что-нибудь на завтрак, позову тебя, когда поспеет.

Хуайшэн не стал мешать Цзыяню возиться с растениями. Юноша заметно окреп со дня их первой встречи. На щеках по-прежнему не было румянца, но изнуренная, чахоточная вялость уступила место здоровой бодрости. Хуайшэн прекрасно понимал: после долгих недель постельного плена Цзыянь просто не мог усидеть на месте.

Ань Цзыянь лишь согласно кивнул и вновь принялся за работу. Он сосредоточенно срезал лишние ветви, и он счастливо улыбался. С каждым днем тело наливалось силой, и в душе крепла уверенность: еще немного, и он сможет вернуться к родным в столицу.

После завтрака они разошлись по местам — каждый уткнулся в свою книгу. То ли уединенная атмосфера обители сделала свое дело, то ли сказалось влияние спутника, но Ань Цзыянь всем сердцем полюбил даосизм. В первые недели его изводила жестокая тоска по столице и семье, но со временем юноша понял: пустые слезы бесполезны. Куда разумнее занять голову учениями древних. Тихие часы, проведенные за книгами бок о бок с Хуайшэном, превратились для него в любимый способ коротать время.

А когда он уставал от мелкой вязи иероглифов, они откладывали свитки и вели долгие неспешные беседы. Пожалуй, кроме близких родственников, Хуайшэн стал первым, кого Цзыянь подпустил к себе так близко. Юноша чувствовал к нему глубокое, почти родственное доверие.

С наступлением темноты Хуайшэн привычно увлек его в бамбуковую рощу к термальному источнику. Сбросив одежды, Цзыянь без прежней робости скользнул в воду — неловкость первых дней давно растаяла, уступив место привычке. Вода доходила ему до самых ключиц. Юноша блаженно зажмурился, впитывая целебный жар, а Хуайшэн, прислонившись спиной к гладкому стеблю бамбука, задумчиво наблюдал за ним.

— Брат Хуайшэн, ты планируешь навсегда остаться на горе Небесного Духа? — спросил Ань Цзыянь, повернувшись к нему.

Вопрос застал Чоу Хуайшэна врасплох. Замешкавшись, он поднял взгляд к усыпанному звездами небу, подбирая нужные слова, после чего вновь посмотрел на юношу.

— Пожалуй, скоро я покину эти места. В поднебесной есть одно важное дело, которое я обязан завершить. Я не останусь здесь навечно.

«Гора Небесного Духа воистину священна, — размышлял Хуайшэн, глядя ввысь. — Стоит провести здесь слишком много времени, и забываешь о земных целях. Если бы Цзыянь не спросил, я бы и не вспомнил о завете приемной матери Му Лянь»

— А ты? — спросил в ответ Хуайшэн. — Когда недуг окончательно отступит, вернешься в столицу?

— Наверное, вернусь ненадолго, чтобы успокоить отца-вана, папу и младшего брата, а потом отправлюсь странствовать. Хочу своими глазами увидеть страну Юй, которой правят мой императорский дядя и отец-ван. Везде твердят о процветании и золотом веке нашей державы, но мне хочется узнать, каков этот мир за пределами дворцовых стен.

— Но ведь ты наследник титула? Разве после выздоровления тебе не придется учиться управлять делами поместья? — удивился Хуайшэн.

Впрочем, он быстро понял мотивы Цзыяня. Человек, годами прикованный к постели хворями, обретя свободу, меньше всего думает о роскоши и титулах. Дворянские привилегии блекнут перед возможностью просто жить и дышать полной грудью. Он походил на птицу, чья клетка внезапно распахнулась, даруя простор бескрайнего неба.

За эти дни Хуайшэн успел понять, что Цзыянь совершенно не испорчен светской фальшью. Не будь этой проклятой болезни, он давно бы отрекся от всех регалий ради дорожной пыли и свободы.

— Этот титул мне без надобности. Цзыпин справится куда лучше. Он ведь родился на месяц раньше меня. Но статус старшего достался мне лишь потому, что папа носил меня под сердцем... В общем, путаница с законнорожденностью. Но для меня именно Цзыпин всегда был настоящим старшим братом, — Цзыянь негромко рассмеялся, качнув головой.

— Ты... — Хуайшэн хотел было что-то спросить, но вовремя осекся.

— М? Что не так?

— Да нет, ничего. Вода начинает остывать, пора выходить, — уклонился от ответа Хуайшэн.

«Так они единокровные братья. Теперь понятно...»

Цзыянь послушно выбрался из источника, принял из рук Хуайшэна сухую одежду и накинул на плечи. Молча, друг за другом, они покинули бамбуковую рощу и вернулись в Павильон Хранящий Облака.

— Завтра я собираюсь на дальний склон за лечебными травами. Хочешь пойти со мной? — спросил Хуайшэн, откладывая в сторону свиток «Таинственных врат, скрывающих Цзя». Цзыянь к тому времени уже устроился на кушетке.

— Мне правда можно? Все только и говорят, что гора Небесного Духа прекрасна как обитель небожителей, а я за столько времени и шагу за порог не сделал.

— Про обитель небожителей — это они преувеличивают. Гора как гора, разве что редких растений здесь больше, чем в других местах, — улыбнулся Хуайшэн.

Прожив на вершине несколько лет, он привык к местным видам и не находил в них ничего сверхъестественного. Хотя помнил, что в первые дни сам замирал от восторга при каждом шаге, точь-в-точь как сейчас Цзыянь.

— Ну уж нет. Красота — вещь спорная. То, что тебе кажется привычным и невзрачным, для меня может стать чудом, — не задумываясь возразил Цзыянь, втайне надеясь, что утро наступит как можно быстрее.

— Погляжу я на тебя, прямо как ребенок радуешься. Спи давай, завтра подниматься на рассвете, — беззлобно усмехнулся Хуайшэн и задул свечу.

Комната погрузилась во мрак, обитая лишь призрачным серебром лунного света, пробивавшегося сквозь бумажные рамы окон. В полутьме едва угадывались очертания тяжелой мебели.

Мысли о завтрашней прогулке будоражили ум, и сон никак не шел к Цзыяню. Всё время на горе Небесного Духа он провел запертым между Павильоном Хранящим Облака и горячим источником. Единственное, что его озадачивало — зачем Истинный владыка Сюаньцин опутал монастырь большим количеством защитных массивов? Ведь одного Цепного строя у подножия хватало, чтобы навсегда закрыть дорогу чужакам. При воспоминании о том, как они поднимались на гору, у Цзыяня до сих пор холодело внутри.

Хуайшэн тоже лежал с открытыми глазами, бездумно всматриваясь в балки потолка. Он вспоминал детство. Приемная мать, госпожа Му Лянь, никогда не баловала его лаской, вымещая злость побоями и бранью при малейшей оплошности. И все же в его душе жила благодарность: не приведи она его сюда, он никогда не стал бы учеником Истинного владыки Сюаньцина. Но и о её напутствии он забывать не собирался. Пять лет он не видел родных. Но теперь возвращение казалось близким как никогда. На этой мысли Хуайшэн наконец закрыл глаза. Впереди его ждало слишком многое.

<http://bllate.org/book/18341/1787809>